

Эрика Легранж

Рой Кларенс -
сыщик с Боу-стрит

Эрика Легранж

Рой Кларенс – сыщик с Боу-стрит

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Легранж Э.

Рой Кларенс – сыщик с Боу-стрит / Э. Легранж — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рой Кларенс – молодой перспективный сыщик с Боу-стрит времен Филдинга и Пиля. Он смьшлен и опасен, раскрывает запутанные убийства, прибегая к различным уловкам и наблюдательности. Это не Шерлок Холмс с его холодным и здравым умом, поражающим всех вокруг. Рой не настолько опытен, он только учится, тем более, что учителем выступает харизматичный мистер Холл, с чьего славного шефства и началась карьера Ловца с Боу-стрит. Забавный и ироничный, благовоспитанный и умный, Рой покоряет столицу и женские сердца, его противники не просто опасные преступники, они еще и могущественны, могут сами вершить судьбу бедного сыщика и его амбициозного начальника. Но нет славы без опасностей, а интересных историй без главных злодеев. Добро пожаловать в Георгианскую Англию, в мир, где Рой Кларенс жил и работал, восстанавливая справедливость и ловя преступников. Этот цикл рассказов не претендует на историческую подлинность. Воссоздана эпоха и сохранены исторические портреты. Есть здесь изюминка в виде суеверий англичан, а для прагматичного Ройана Кларенса они становятся открытием. Приятного чтения всем моим читателям.

Рассказ I. Сыщик с Боу-стрит и перчатки джентльмена

«Господа и их слуги, как два звена одной цепи – порой их пребывание в одном доме просто несосно, но существовать раздельно они не смогут»
(цитата автора).

При исполнении служебного долга – выслеживании и задержании опасного преступника – молодой служащий по имени Ройан Кларенс повредил ногу и, по предписанию врача, несколько месяцев не мог исполнять свои обязанности. Мистер Джеймс Холл предоставил пострадавшему работнику длительный отпуск ради поправления здоровья, даже пообещав, что переговорит с влиятельными мужами для назначения Рою пособия. Но все эти привилегии не могли удержать молодого и энергичного человека в постели, он каждое утро перечитывал утренний пост и тут же садился писать своим коллегам предположения на счет того или иного убийства, либо грабежа. Газетные вывески веером лежали на его письменном столе, заставляя хозяина по многу раз подниматься и проделывать несколько шагов до письменного стола и обратно. Доктор бывал у него несколько раз в неделю и каждый раз, по два часа кряду, уговаривал Кларенса поберечь ногу.

– Мистер Уильямс, я знаю, когда мне положен отдых, а когда я могу немного размять затекшее тело.

Их спор в этот день продлился долгих два часа. Потом мистер Уильямс просто не выдержал и тайком написал его матери (поскольку был знаком со всей семьей) о травме сына и несосном характере, который мешает выздоровлению лодыжки. Утренняя почта пришла незамедлительно, а с ней гневное письмо пожилой вдовы и ее настоятельная просьба приехать и погостить хотя бы с месяц в отчем доме.

– Ну, наконец, я могу лично посмотреть в глаза моему нерадивому сыну, который вот уже пять лет не навещал своей матушки и даже не интересовался ее хрупким здоровьем, – вымолвила достопочтенная вдова, как только сын переступил порог ее дома.

– Здравствуйте, мэм, – отвесил поклон Рой, упираясь на трость. – Как видите – ваш сын жив, и как вижу я – ваше хрупкое здоровье в порядке.

В честь такого торжественного события, обеденный стол был накрыт на два часа раньше обычного, по случаю приготовлены самые любимые блюда Роя. Бесспорно, прежде чем больная нога сына доковыляла до отчего дома, его достопочтенной родительницей были даны предварительные распоряжения по заготовке разных лакомств. Имел место длинный разговор с матерью о жизни, где старушка сообщила обо всех событиях, случившихся в родном краю, за время отсутствия молодого человека – ее горести, переживания и упрек в том, что она до последнего питала надежду, что сын вот-вот женится.

– Неужели в Лондоне нет таких достойных молодых леди, которые согласились бы выйти за тебя замуж?

– По роду своей деятельности, я сталкиваюсь с такими девушками, которых едва можно вообще назвать этим словом, а уж на роль моей жены и подавно, что лучше держаться от них подальше.

– Тогда тебе просто необходимо выбрать себе спутницу жизни здесь, хоть мы и провинция, но зато славимся порядочностью и непреклонными моральными устоями.

– Миссис Кларенс... – начал Рой, но его матушка уже погрузилась в размышления об избрании спутницы жизни для него:

– Мисс Скабжет и мисс Бэйлин уже три года как замужем, мисс Агнесс помолвлена, а ее сестра еще не достигла даже известного возраста, мисс Луиза влюблена в приходского священника и вроде бы тот просил ее руки у строгого отца, ах, остается лишь мисс Обри – дочь Теодора Тэйлонта, нашего непосредственного соседа. Надеюсь, ты ее помнишь...

– Если взять в расчет, что она младшая сестра моего лучшего друга детства – Адама, но в последний раз я видел ее, когда ей едва исполнилось восемь лет, тогда да, мои воспоминания о ней свежее остальных, – острил Рой, желая немного позлить мать.

Тема женитьбы подымалась не раз, и каждый раз приходилась ему не по душе. Его небольшое жалование не удовлетворило бы аппетиты пресловутых лондонских красавиц, хотя мистер Кларенс не нуждался в средствах и все же, таким образом, деловитый сыщик отсеивал «ненужные знакомства».

– Я сейчас тебе сообщу такое, что резко изменит твое пренебрежительное отношение к молодой девице, так знай, она наследница всего состояния ее отца, а это в общей сумме порядка ста тысяч фунтов, так что не вороти нос.

– Ябеда Обри, в смысле мисс Тэйлонт, унаследует все, а как же Адам?

– О, я же тебе уже говорила, даром ты взял еще одно сливочное пирожное, оно явно затмило твой ум, ведь у отца и молодого мастера Адама недавно произошла размолвка, был серьезный скандал и старик в гневе пообещал, что завещает все Обри, не оставив сыну даже пенни.

– Очень жаль Адама, хоть и несдержан порой, но такого он явно не заслуживает.

На следующее утро, когда вновь воссоединившаяся семья лишь приступила к завтраку, вошел лакей и сообщил, что нанесла визит старая приятельница мадам – миссис Шлэпс.

Старушка первые минуты учащенно дышала, столь поспешая нанести визит, чуть не сбилась с ног, чтобы поскорее добраться до их усадьбы.

– Я вот тут проходила мимо, решила вас навестить и, как вижу, недаром.

– А когда вы проходили мимо, вам не показалось, что наши дороги столь ухабисты, что легко можно сломать ногу, когда достопочтенный человек вот так незамедлительно проходит мимо и решает навестить друзей, – острил Рой, за что получил от матери легкий шлепок веером.

– Значит, вы еще не знаете, что произошло у ваших соседей Тэйлонтов? – поинтересовалась старушка.

– Ну, другие столь любезные дамы еще не «проходили мимо» нас и не наносили визиты, – пожалуй, одного шлепка было маловато.

Миссис Шлэпс – первая сплетница среди деревенской знати, всегда старалась первой сообщить всем свежие сплетни или новости, поэтому узнав что-то, сразу же неслась к любой почтенной даме и наперебой выкладывала сведения. И не было большого огорчения для нее, чем быть обогнанной другой сплетницей, но сегодня ее поспешность имела успех, заявившись к Кларенсам в час столь ранний для визитов, что ее приняли не сразу, а спустя лишь получаса.

– ... У дома уже рыскают семь констеблей, тело перенесли на второй этаж, в спальню хозяина... да-да, жестокое убийство, но это не самое страшное, а ведь уже есть главный подозреваемый – Адам, горничная случайно обнаружила перчатки испачканные кровью, когда с раннего утра приступила к уборке комнаты. По их версии, убийство произошло до восхода солнца, когда ни лакеев, ни конюха в конюшне не было. Да и все в округе знают, что мистер Тэйлонт был самой ранней пташкой среди местных наездников. В последнее время, он всерьез начал охотиться на бекасов и глухарей, начиная с Михайлового дня, посвящая этому добрых два часа до завтрака, а летом объезжал свои владения спозаранку.

– Какой ужас! – воскликнула вдова, в уме просчитывая, как же повезет, если ее сын женится на Обри и будет жить по соседству, а она сможет навещать их так часто, как ей захочется и воспитывать внуков правильным моральным устоям, ведь на эту молодежь нельзя положиться.

Выслушав самое поспешное излияние миссис Шлэпс, которая потом так же прытко понеслась навещать еще одну почтенную даму, будто не сказывался на ее здоровье пожилой возраст, Рой тем временем задумался над сложившейся ситуацией. Дело с одной стороны вроде

бы и раскрытое, но с другой – он так давно знает Адама, да и не верится, что человек его склада характера способен убить отца.

– Вот видишь, теперь мисс Обри законная владелица огромного состояния, упокой Боже душу бедного сквайра, тебе нужно к ней приглядеться.

– Миссис Кларенс, вы знаете, я не верю, что Адам убийца, и, скорее всего, не полагаясь на основную версию мистера Джефа, перепроверю все сам.

Было решено нанести визит Тэйлонтам в час столь скорбный, и как полагала старая вдовушка, как раз подходящий для возникновения симпатии между двумя молодыми людьми. Миссис Кларенс выбрала самое свое нарядное траурное платье, перчатки и шляпку и пока пребывала наверху со своей горничной, Рой занялся поисками подходящего средства передвижения, единственное, что удалось найти – двуколка, но зато не надо будет топтать пешком несколько миль с его-то больной ногой.

Это лето пока не радовало жителей туманного Альбиона обилием солнца, зато свежий ветерок разогнал всякие мрачные мысли, так же легко, как гнал дождевые тучи прочь.

– Мы узнали о вашем горе, какая непоправимая утрата! – восклицала миссис Кларенс в доме Тэйлонтов, успокаивая безутешную дочь, тем временем Рой беседовал с мировым судьей и двумя констеблями, а главный подозреваемый все еще пребывал в доме и, словно провинившийся котенок, понуро сидел в углу, не шевелясь.

– ... Мы обыскали все вокруг, а перчатки – очень весомое доказательство вины, – утверждал долговязый констебль.

– Но, я очень хочу перепроверить все сам, – настаивал Рой, – понимаю, мое требование нелепо, но мне кажется, еще рано помещать мистера Адама Тэйлонта за решетку.

– То есть вы утверждаете, что возьметесь за это дело сами, но это же не в вашей компетенции, – с невозмутимым видом настаивал судья, нервно теребя свои широкие усы. В последнее время популярность сыщиков с Боу-стрит возросла, частные лица очень часто посылали за ними и платили им баснословные деньги, обходя местных судей и констеблей стороной.

После часа столь жарких споров, мистер Джеф махнул на неисправимого сыщика рукой и дал ему времени до утра, чтобы выдвинуть свою версию, или же вообще отступить и не вмешиваться.

– Я согласен! И не нужно мне никакого вознаграждения, – было последнее слово Роя, когда стражники порядка уже откланивались перед новой хозяйкой.

– Мисс Тэйлонт не будете ли возражать, если я осмотрю дом?

– Ну, конечно же нет, – махнула своей маленькой ручкой Обри, обтянутой в тонкую кружевную перчатку. С этого момента молодой джентльмен внимательно на нее взглянул, она выросла со времен их последней встречи, но на красавицу совершенно не походила: такое маленькое невыразительное существо в черном громоздком платье, казалось бы, дама тонула в этих шелках. Потом Рой перевел свой взгляд на Адама, бледного и худощавого друга, который с видом полного отчаяния не подымался со стула.

– Я его не убивал, – отвечал он на все расспросы Роя, – да между нами произошло разногласие, но мстить я и не собирался, наоборот, сам хотел оставить эту жизнь бездельника, податься в большой мир. Тяготел к зодчеству, архитектура – мое призвание, и пусть силы ныне зиждуются на зыбком желании, а жизнь висит на волоске. Но у меня совершенно не было причин убивать отца, как бы несправедливо он не поступил, в отношении меня.

– Хорошо, Адам, я тебе верю, а посему и выпроводил судью, теперь хочу лично осмотреть место преступления сам.

Первым делом, Рой направился в конюшни, где, собственно, и нашли тело старого джентльмена. Когда произошло убийство, мистер Тэйлонт как раз проверял крепеж седла, по утверждению конюха; на полу еще проступал след от огромной багровой лужи, и лежало немного сена, разбросанного неподалеку и запачканного кровью. Небольшой газовый фонарь

так и висел на огромном крюку, там, где его оставил еще живой хозяин, а больше примечательного ничего не обнаружилось. Конюх еще спал, когда старый сквайр решил прокатиться на вороном скакуне.

Затем сыщик поковылял в дом и поднялся в комнату, где лежало тело убиенного и оружие убийства – красивый восточный кинжал с золотым напылением на рукоятке. Здесь же он застал старого камердинера, который в последний раз подготовил тело своего господина для его посмертного земного путешествия к фамильному склепу. Рана была смертельной, прямо в сердце, поэтому умер он мгновенно, только удар пришелся сзади, то есть, ударили в спину.

– Какое подлое убийство, – заметил Джозеф, валет старого Тэйлонта, – неужели нельзя было зарезать спереди, чтобы жертва имела хоть какой-нибудь шанс защититься?

– Меня волнует другое, я лично осмотрел конюшни и, чтобы убить таким способом, нужно вплотную приблизиться к жертве, так как похоже, кинжал не метали, а с размаху воткнули в тело, судя по тому, что острие рукоятки тоже вошло на полдюйма в плоть. Значит, из этого следует, что убиенный знал своего убийцу и нарочно отвернулся, ведь бесшумно подойти уж никак бы не получилось – ужасно скрипящие петли и каменный звонкий пол.

– Так, возможно, входили не через главные двери, – заметил слуга, – дело в том, что есть еще потайной ход, ведущий через крытые отделения для сбруи и седел; сарай, переходящий в винтовую лестницу, которая выходит на второй этаж. Этот проект был разработан еще дедом мистера Тэйлонта, который любил то внезапно уезжать, то возвращаться поздно ночью никого не ставя в известность.

– Так я могу пройти сейчас по нему...

– Не можете, дверь закрыта...

– А где храниться ключ?

– Один был у господина Тэйлонта, но, похоже, он его выронил, второй – у нашей экономки и ключницы.

– Ага, туда я и направлюсь, а скажите те самые улики... перчатки, еще в доме?

– Да, у экономки, судья отдал их мисс Обри, она вверила их мне, а я в свою очередь перепоручил миссис Гленбонт, чтобы ненароком не потерять.

Получив такие ценные и исчерпывающие сведения от слуги, Рой направился к экономке, строя различные догадки. Войдя в ее опочивальню и мастерскую на третьем этаже, он сразу же заметил обилие материй и различной фурнитуры для шитья.

– Если бы я не знал, что нахожусь в доме, то подумал бы, что попал в магазин тканей, – заметил сыщик, улыбаясь.

– Ах, вы про это, – отозвалась экономка, – да я заведу в этом доме многими вещами, некоторые даже приходится хранить в своей комнате, поэтому я сама ее и убираю.

– Но зачем, же столько вещей, скажем наперстков – раз... два... три... двадцать пять штук.

– Так это на будущее, а то посылать служанку в магазин тканей каждый день за иглой или наперстком в другой конец города неудобно, ведь в это время она может заниматься более полезным делом.

– Каждый день? – искренне удивился Рой.

– Ну да, понимаете, у нашей мисс Обри есть одна такая маленькая вредная привычка – терять наперстки, нитки и иглы, каждый раз, когда она берется за шитье. Старый хозяин Тэйлонт даже приказал мне выдавать ей по одному наперстку, мотку ниток и игле, а потом после окончания забирать все и хранить у себя.

– Понимаю, и вы каждый день занимаетесь этим делом.

– Последние три недели мисс ничего не шила, поэтому нет.

– Хм, – в этот момент он задумался, что бы сказала его матушка, узнав о такой вредной привычке предполагаемой невестки, – но я собственно пришел осмотреть перчатки и взять у вас ключ от потайных дверей, ведущих в конюшни.

– И то, и второе я вам не дам, только покажу и отведу сама, – заметила экономка, – я ведь все еще при исполнении долга и несу ответственность за вверенные мне на сохранение вещи

– Какие интересные эти перчатки, – заметил Рой, оглядывая внимательно главную улику, – такая тонкая и, в то же время, прочная кожа, не растягивается, и не маркая совсем.

– Да, хозяин их где-то за границей приобрел, на заказ сделаны.

– Ах, нет, растягивается, вот один прямой след, другой – полумесяцем, как будто специальный оттиск на коже, – это была правая перчатка.

Швея позаимствовала их у сыщика и сама внимательно осмотрела:

– Да, похоже в этом месте перчатка были распорота, – она указала на шов, – и вновь защита, только уже неуверенной рукой и нить подобрана не по цвету, а еще шили торопясь, вот даже капельки крови остались на ткани.

– Возможно, это кровь убитого?

– Нет, я-то швея с двенадцати лет, поэтому с точностью могу сказать, что это кровь уже другого человека. Вот только странно, мистер Тэйлонт никогда никому не поручал своих перчаток, кроме как Джозефу, но камердинер не умеет шить, такое ощущение, что перчатки были изъяты уже после смерти...

– Адам тоже не принадлежит к числу швей, – задумался сыщик.

Роя вдруг осенила неожиданная мысль, а что если эти оттиски принадлежат металлическому предмету, значит, в этой перчатке что-то было вшито, только что? Изучая следы, он автоматически начал сопоставлять все предметы и, наконец, пришел к мысли, что это не что иное, как ключик – очень специфичный и небольшой. Пребывая под впечатлением от собственных открытий, решил пока не высказывать эту мысль вслух, и лишь только вымолвил:

– А можно теперь обследовать тайный ход?

Спустившись на второй этаж, экономка продолжала исполнять роль домоправительницы, она зорким глазом отметила пыль на подоконнике и... солому на полу:

– Так сейчас я спущусь вниз и отругаю одну нерадивую служанку, которая явно забыла свое место.

Тем временем, Рой тоже заинтересовался соломинкой, поднял ее и тут же сделал второе открытие – на ней просматривалась кровь вперемешку с грязью, значит, она побывала на месте преступления. Остальное за геометрией: молодой человек мысленно очертил полукруг, центром сделал дверь, ведущую в конюшни, затем подробнейшим образом расспросил, где находится опочивальня молодого Тэйлонта, оказалось, что соломинка лежала в стороне противоположной комнате Адама.

– Он действительно невиновен, – умозаключил Рой, – и теперь я имею на руках все доказательства. А скажите, чьи спальни в этой части?

– Мисс Обри, гувернантки-француженки и покойного господина Тэйлонта.

– Гувернантки? – удивился молодой человек, – А разве мисс Обри находится не в таком возрасте, что ей уже не требуются учителя?!

– Да, но сам хозяин настоял на этом. А еще, сообщу вам только по секрету, не далее как позавчера, старый господин уволил мадмуазель Лё Клод при всей прислуге в людской столовой, вот так заявился с ней, и объявил всем, что она тут больше не работает, и должна покинуть дом до следующей пятницы.

«А это уже мотив,» – подумал Рой.

– Где она сейчас?

– Вероятно в классной комнате, там же и ее спальня.

Гувернантка показалась сыщику дамой приятной внешности, и еще достаточно молода, примерно лет так тридцать два – тридцать пять, высокая и стройная, правда сейчас неестественно бледна. Когда она посмотрела на него своими огромными карими глазами, ему показалось, что она плакала и, судя по мешкам под глазами, изрядно долго. Перед ней лежала рас-

крытая библия, в руках распятие (как истинная католичка, она мысленно провожала своего хозяина в мир усопших).

– Bonjour, mademoiselle Le Klod, (Добрый день, мадмуазель Лё Клод – фр.) – учтиво поздоровался сыщик и продолжил уже на английском:

– Ну что ж, давайте закончим эту игру в «кошки-мышки», и вы сами мне признаетесь, что являетесь настоящей убийцей старого господина.

– С чего вы это взяли? – спросила гувернантка, разволновавшись, на прекрасном английском, только с чуть заметным акцентом, который выдавал в ней гасконку.

– Ну как же, у вас имелся такой мотив, вполне вероятно, покойный мистер Тэйлонт хотел сделать вас своей любовницей, но вы ему отказали или, наоборот, уже были любовницей, но надоели и оказались в нескромном положении. Он вас унизил, уволив при прислуге – вы его убили, подставив Адама.

– Нет, это неправда. Если быть честной и откровенной, как на исповеди, Теодор любил меня уже много лет, той необычайно возвышенной любовью, которой у многих знатных дам и в помине нет, и вот решил, что пора ее сделать более плотской, а увольнение представлялось лишь толчком к дальнейшим действиям. Он хотел снять небольшой домик, чтобы я была там хозяйкой, а ему не стоило бы труда навещать меня несколько раз в неделю, и даже предлагал жениться, но его дети... я боялась, что, особенно для мисс Обри, будет унизительно видеть в моем лице мачеху, поэтому я так долго не соглашалась.

– Странные у вас понятия о любви, другая женщина в зависимом положении согласилась бы быть женой, не раздумывая – такой подъем по социальной лестнице.

– Но не я, а в доказательство своей невиновности, у меня есть письма от Теодора и я их сейчас предоставлю вам, чтобы вы во мне не сомневались.

Мадмуазель жестом пригласила Роя следовать за ней, вошла в смежную комнату, открыла свое бюро и вытащила толстую пачку писем, но вслед за ними выпал и небольшой ключик, точь-в-точь как тот, что держала в руках экономка. А на полу красовалась небольшая соломинка с пятнами крови. Гувернантка заметно разволновалась, подымая ключ, а Рой, презрительно и с ухмылкой выразил, чего же она врет, если все доказательства ее вины на лицо.

С минуты на минуту ожидали констеблей и даже судью Джефа, Рой справился даже быстрее, чем было договорено. Мисс Обри, ее брат и матушка Роя сидели на красивом диване с множеством узорных подушек. Все в трауре, поэтому уютная гостиная нарядных постельных цветов, оттеняла их мрачные фигуры. Рой находился непосредственно подле гувернантки, дабы, рыдающая во все глаза, молодая хозяйка не налетела на горе-убийцу. Но видимо, мисс Тэйлонт решила напоследок побольнее уколоть свою учительницу.

– Как вы могли так поступить? Вы, чьей обязанностью было нести просветление от высших учений, оказались такой низменной женщиной. Вы хоть задумывались, что мои шансы выйти замуж за солидного джентльмена улетучились, как самый легкий газ, благодаря вашему распутству.

– Мисс Обри, я не виновна в смерти вашего отца, это нелепость, а еще я бы никогда не посмела бросить хотя бы тень позора на вашу репутацию, поэтому так долго отклоняла любые ухаживания вашего отца, верьте мне.

– Как я могу вам верить теперь, а ведь еще сегодня утром я со всей искренностью пришла в вашу спальню, делилась с вами самыми сокровенными горестями и переживаниями, и даже теряла сознание от настигшего меня горя.

– Простите меня, я вас умоляю, – бедная гувернантка готова была встать на колени.

Ее порыв остановила миссис Кларенс, которая за эти часы, что Рой производил расследование, успела так сблизиться с наследницей столь большого состояния, и даже начала намекать, что относится к ней как к дочери, и готова в любое время поддержать осиротевшую девочку.

Да, и действительно, Обри напоминала девочку в свои двадцать три года: она была маленькая, конопатая, ее рыжие вьющиеся волосы всегда непослушно торчали из-под шляпки, а зеленовато-карие глаза, наполненные слезами и отчаянием, сейчас метали негодующие молнии, тогда как, тонкие губки она сжала неимоверно сильно, возможно чтобы не выплеснуть лишние эмоции перед посторонними.

Слуга принес ей успокоительные капли и чашечку травяного чая, по совету миссис Кларенс. Девушка осторожно стянула перчатки, чтобы не обляпать их, принялась отсчитывать капли. Все это время Рой неусыпно следил за ней, а именно за ее тонкими, почти детскими пальчиками.

– Ну и кто виновен в смерти? – Послышался басистый голос судьи, который вместе с констеблями, хотел узнать отчет расследования Роя.

– Вот эта особа, – указал сыщик, при этом, все в смятении переглянулись.

– Рой! – воскликнула мать. – Что ты такое говоришь?!

– Да матушка, я утверждаю, что мистера Тэйлонта-старшего убила мисс Обри! – последняя вообще замерла со своими каплями, вперив испуганный взгляд на сыщика.

– Я?!

– Да, вы мисс Тэйлонт, и теперь, после стольких минут заблуждений, я выяснил истинного убийцу! гувернантка действительно не виновна в убийстве и все претензии, которые вы можете ей предъявить, это то, что у нее был роман с вашим отцом, причем довольно-таки безобидный.

– У вас нет доказательств...

– Вы ошибаетесь, госпожа Тэйлонт, доказательств у меня как раз уйма, и я предъявлю их по порядку:

Первое – ваши исцарапанные руки, а именно, если быть дотошным, указательный палец левой руки...

– И это все? А вам не показалось, что я могла пораниться когда шила?

– Вы не могли шить, так как не имели ни иглы, ни нити, ни даже наперстка, это может доказать миссис Гленбонт – ваша экономка, я осведомился у нее (он взглянул на часы) не далее как полтора часа назад, да и моя матушка тоже не видела, что вы в последнее время шили, не так ли, миссис Кларенс?

– Э, э, э, э... ну да, не видела.

– Второе – я нашел ключик в бюро гувернантки, но он лишь от тайного входа в конюшни, а тот, что был шит в перчатку, до сих пор не обнаружен, предполагаю, что он в вашей комнате. И поэтому, я немедленно приглашаю все господ правопорядка последовать за мной наверх и произвести тщательный досмотр ваших покоев.

– Вы не имеете права!!! – возмутилась молодая мисс.

– Ах да, я захвачу с собой всю вашу прислугу, чтобы все вещи остались на своих местах.

Молодая леди спохватилась со своего места и приблизилась к Рою красная, как любой вареный рак, и негодуя начала протестовать, предъявляя обвинения в адрес всех, кто последовал за сыщиком. Комната была, как и оговаривалось, досмотрена досконально, при этом Рой бессовестно переворачивал все вещи в шкафах, пока в бельевом не обнаружился маленький непримечательный ключик, миниатюрнее, нежели все, что имела при себе ключница.

– А вот и он! – возрадовался Рой, помахивая в воздухе своей находкой.

Была принесена злосчастная перчатка и действительно находка совпала с оттиском на коже.

– Ну вот и все, а теперь я, пожалуй, расскажу, как все происходило. А вы, мисс Обри, ответите мне лишь на один вопрос – Зачем? – Он поправил манжет и начал свою повесть:

– Вы прознали про интрижку вашего отца и решили не делиться вашими законными деньгами с нерадивой гувернанткой, а если бы у нее рождались дети, то суммы удвоились, а то

и устроились бы на ее содержание. Вы последовали за отцом, отчитывали его, он мало обращал на вас внимания и постоянно отворачивался, вот только ваши намерения не заканчивались тирадой, ведь в руке предусмотрительно держали кинжал и применили его, когда отец показал вам свою спину. Он упал, перчатки были обгарены кровью, но в них имелась вещь, которая, похоже, очень вам была нужна, вы стащили их, вспороли, достали ключ и подбросили своему брату, чтобы убрать с дороги еще одного возможного наследника, авось, отец передумал и не изменил завещания. Но на беду, на подошву ваших туфелек налипли злосчастные соломинки, одна из которых указала мне нужный путь. Правда, я обознался комнатой...

Утром вы искусно изображали, что горюете по отцу, а когда я усомнился в виновности Адама, решили перестраховаться и подставили уже гувернантку, и снова оставили след в виде соломинки. Сейчас я, пожалуй, потребую показать мне свою подошву, и все убедятся, что вы бывали на конюшне и нечаянно вступили в лужу крови.

– А теперь я спрашиваю вас – зачем было доставать этот самый ключ?

Обри сидела и молчала, по ее лицу и так заметно, что Рой говорит правду, когда ж она подняла глаза, все увидели ни нежное личико молодой девушки, а холодную и безучастную маску опытного убийцы:

– Это ключ от сейфа, где хранились фамильные драгоценности. Мой папаша не доверял банкам и хранил все золото в доме, а ключ таскал с собой.

– Спасибо, мисс Обри, за такой подробный ответ, – поклонился ей сыщик, опираясь на трость, которая все это время служила ему опорой, – господа стражники порядка, забирайте ее, теперь она вся в вашей власти.

День клонился к вечеру, когда Адам и Рой мирно расставались, как самые лучшие друзья:

– Я так тебе благодарен, ты даже не представляешь, сегодня утром мне казалось, что жизнь моя закончена. Теперь я спасенный и обновленный пересмотрю все свои планы на будущее и выберу самый достойный, – он горячо пожал руку сыщику.

– Я в этом не сомневаюсь, дружище, – искренне улыбался Рой.

К ним вальяжно подошла мать Кларенса, и они уехали домой, но не с пустыми руками, Адам настоял-таки, чтобы они приняли приглашение на званый обед.

– Вот никогда бы не предположила, – возмущалась вдова, – а на вид такая милая девушка, нет, я, конечно, не могла на нее подумать, но в душе у меня закрались некоторые подозрения на ее счет. Еще с детства Обри имела скверный характер...

– Да, миссис Кларенс, вы как всегда правы, – улыбался Рой, наблюдая за искаженным от досады лицом своей дражайшей матушки. А сам он даже взбодрился, как скаковая лошадь, которая вынуждена простаивать в стойле и, которая, вот так неожиданно получает свободу.

Рассказ II. Сыщик с Боу-стрит и опытный карманник

I часть

Война – развлечение королей

(англ. пословица).

Эта история произошла неожиданно для нашего молодого сыщика, но ее стоит рассказать в той последовательности, чтобы не сбивать читателя с пути. После досадного разрешения расследования в доме Тэйлентов, лодыжка Роя излечилась, что даже его скрупулезный начальник не мог усомниться в полном поправлении здоровья. Джеймс Холл – чинный представитель наемного правопорядка, в квартире на Боу-стрит, находящейся в нескольких шагах от прославленного зала суда, где вышеупомянутый господин часто выступал в роли обвиняющего звена, а в его деловом ежедневнике записывал все улики и всех свидетелей, восседал у себя в кабинете на втором этаже некогда скобяной мастерской, ныне штаб квартиры «Ловцов с Боу-стрит – стражей правопорядка». И вот новое судебное разбирательство, назначенное на послезавтра, по делу господина Брөлхтема, больше известного под кличкой Лобстер, которого

опытные Ловцы с Боу-стрит выслеживали два месяца. Во время поимки преступника, Рой и повредил ногу, ныне вернулся, чтобы довершить начатое, ну хотя бы присутствовать в зале суда в качестве свидетеля.

Лобстер долгое время терроризировал Вэст-энд и даже нескольких небезызвестных министров. Поговаривали, что даже богатые дельцы Сити порой становились жертвами его афер, будь-то украденные ценные бумаги или столовое серебро, господа поначалу умалчивали свои пропажи, но когда дело принимало критический оборот, обращались в публичные полицейские конторы, которые периодически пополнялись в столице. Хотя, эффективность от них казалась ничтожно малой. Тем временем, банда промышляла грабежами на улице и в домах, в ресторанчиках и театрах. У дам во время спектаклей пропадали украшения, у господ – золотые часы и бумажники. Налаженная сеть перекупщиков ворованного переправляла Темзой вещи, продавая их по иным городам Англии и даже Уэльса. Так в больших торговых городах, жены и дочери богатых промышленников (так называемые выскочки нувориши-аристократы) могли запросто купить какую-нибудь фамильную вещь герцогини. Конечно же, скандал в высших кругах столицы, заставил содрогнуться даже Веллингтона. Констебли рыскали повсюду, но им удавалось схватить лишь мелких воришек, но не самого главаря. К делу подключился мистер Холл.

Сюрвейтор Холл использовал конные загоны, и всех пеших констеблей, пожалованных ему Пилем – недавно утвердившимся министром внутренних дел. Все же, отдать должное неумоимости славного начальника, который и без поддержки высших чинов, удерживал на балансе последнее оставшееся боустритское отделение; его убеждения в авторитет сэра Филдинга, коего он почитал на равне со святым, помогали преодолеть непонимание и насмешки.

Это было громкое дело, в газетах печатали портреты грабителей, назначали вознаграждение за любые сведения, Ловцы с Боу-стрит дежурили неделями, выслеживая пресловутого короля преступности.

– Рой, если ты уже ловко стоишь на ногах, пойдешь со мной на заседание, – отчеканил его начальник накануне. Молодому сыщику интересно было наблюдать за инспектором в деле, он охотно согласился.

Утром, накануне разбирательства, мистер Холл был официально приглашен на казнь Виктора Семюэля – уволенного клерка, убившего своего работодателя. Зрелищное представление, которое скорее развлекало богачей, нежели восстанавливало справедливость. Даже не гнушались делать ставки. Но Джеймс Холл ходил на такие мероприятия, а в последнее время зачастил приглашать Ройана.

Когда судья, в присутствии двух магистратов округа, выносил приговор, а палач держал за рычаг, мистер Холл делал пометки в своей записной книжке, к которой приклеивались различные важные письма и записки, а также рукописные показания. Потихоньку неприметная книжечка превратилась в фолиант, но удобный для ношения в кармане. Этот раз не стал исключением, мягкий гриф проворно выводил буквы на бумаге, джентльмен под нос напевал незатейливый мотив, и лишь успел спрятать незадачливую книженцию, как кто-то ее стянул.

– Ловите вора! – заорал мистер Холл и бросился вслед за убегающим мальчишкой. Рой так же рванул на поимки, но лодыжка побаливала, а толпа существенно препятствовала бегу, но зато умный человек уловил траекторию воришки и решил существенно сократить путь.

Хотя, Кларенс не так давно поселился в столице, ему пришлось днями изучать все переулки и закутки злочных кварталов. Констебли со свистками мало чем помогали, они могли выловить обычного гражданина, но ни как не опытного беглеца. Рой же выслеживал без всякого постороннего шума, он отлично преодолевал ограждения, периодически мог совершать прыжки с крыши на крышу, и порой спрыгивал на преступника сверху. Но это было до противной травмы.

Сделав несколько перелазов через забор, и чувствуя нестерпимую боль, сыщик все же нагнал воришку у дверей сомнительного дома. Преступник не бежит по улицам прямо, он петляет, пока не находит нужный вход, и Кларенс усвоил смысл сей погони. Воришка остановился, чтобы передохнуть, он просто впрыгнул в нишу, между домами, выглядывая, нет ли за ним хвоста, Рой тоже не спешил, делая осторожные шаги, да и нога не позволяла ускорить шаг. Издалека он успел заметить, что беглец остановился, и только наделавшие много шума два констебля и сюрвейтор Холл рыскали неподалеку. Рой тихонько скользил вдоль фасада здания, прижимаясь к дверям, чтобы оставаться как можно дольше незамеченным, один раз воришка посмотрел в его сторону, но увидел лишь джентльмена, который постучал в дверь, это был Рой, прикинувшийся прохожим. Но стоило тому отвернуться и, прижав его всем телом, Кларенс еле сдерживал шуплое тело беглеца, пока на призыв сыщика не прибыл подуставший мистер Холл и констебли. Все обошлось хорошо, но сюртуком пришлось пожертвовать, чтобы связать парнишке руки.

На вид вору не было и шестнадцати: шуплый, жилистый, а еще невероятно ловкий, тот вырывался, словно спрут. Джеймс Холл отобрал у грабителя свой важный документ и перепоручил его двум подчиненным, а сам остался вместе с Кларенсом.

– Думается мне, эта кража неспроста, – поделился своим наблюдением начальник, пытаясь восстановить дыхание. Его подчиненный думал так само.

– Благо мы успели вовремя спохватиться, там ведь были указаны все улики против Лобстера.

– Вы бы, поосторожней со своим блокнотом, мистер Холл, кажется, нас начинают узнавать в криминальном мире Лондона.

Оба сыщика негромко рассмеялись, размышляя, как их имена звучат на ночных собраниях грабителей.

– Вот завтра я наподдам этому Лобстеру засильем улик, он у меня на виселицу прямехонько поедет, – мистер Холл не стеснялся в выражениях, особенно со своими сослуживцами. Но с дамами, сей почетный муж держался галантно, его жена – образованная леди – приучила супруга говорить красиво и внятно в ее присутствии.

– Старушка меня бы сейчас выругала, но с тобой Рой я могу быть честен. Ладно, держи мой плащ, а то негалантно ты выглядишь без приличного выходного пальто.

Далее, оба джентльмена зашли выпить глинтвейна, так как, сырое утро и погоня, могли закончиться горячкой назавтра.

После обеда, Рой прошествовал в штаб-квартиру на Боу-стрит, а потом ему еще нужно было встретиться с тюремным приставом и повидаться с утренним бегльцом-неудачником.

– Ну что, набегался? – поинтересовался он у заключенного, выведенного для встречи, под присмотром верзилы-надсмотрщика.

– А вы господин ловкий, – молвил парнишка, – старик с блокнотом за мной бы не угнался.

– Старик с блокнотом – мой начальник, уважаемый инспектор Холл, и если бы не он, то кто-то из его служащих.

– И чего вам теперь надобно, заловили, так заловили? Отсиджу три месяца, ссылки не боюсь. Моя и так собачья доля, а там хоть кормят.

– Поговорить с тобой хочу. Ловкач ты отменный, только как в банду Лобстера затесался?

– Это не, я даже с Клешней не знаком, а для Лобстера – мелковат буду.

– Кто таков Клешня?

– Да дружок его и правая клешня, хи-хи, а вы что, буханками не соображаете, а такие напущенные, мудрствуете.

– Вот как, – про себя молвил Рой, – значит, не всех изловили. Только шестерых взяли, главаря да подручных, а вот заместителя нет. Так ловкач, скажи, как мне этого Клешню найти?

– Да не, вы хоть и не синий сюртук, но я никакой информации не докладываю.

- Я ж тебя на эшафот могу отправить, милоч.
- Да хоть на кол сажайте, не в-ы-дам.

Кларенс прошелся, скрипя ветхими половыми досками, верзила-надсмотрщик скучал, по ту сторону двери, громко зевая. Если представить себе огромного орангутанга в одежде, то этот – поросший и небритый, неуклюжий, втиснувшийся в тугий жилет и коротковатую засаленную курточку, спокойно походил на образцового примата. Паренек сидел, шелкая костяшками пальцев, с самодовольной ухмылкой, от того, что заставил сыщика попасть в тупиковое положение; его порванные холщевые штанишки бросали на обозрение ветхие ботинки на босую ногу. А сыщик действительно считал себя слегка одураченным, но нужно как-то выбить из единственного путного свидетеля нужную информацию, завтра судебное заседание, Лобстер хитер как шакал, может и выкрутиться.

– А если договоримся с тобой? – поинтересовался сыщик, каким бы молчаливым не был преступник, есть то, что может его разболтать.

Паренек сплюнул, хихикнул, противно откашлялся. Судя по состоянию здоровья, проворного воришку одолевали сухоты, но все же, неужели так быстро жить надоело.

– Вы головастый малый, вы мне нравитесь, у вас бы я ничего не воровал. У меня кредо есть, можете смеяться, если захотите: я даже если голоден, ворую только у жмотов и жирдяев, обычных не трогаю, которые мне нравятся. Вы мне понравились, но я с вами не договарюсь.

– Ты один скитаешься или семья есть? – спросил сыщик, уводя разговор в иное русло.

– А то, матушка есть, думаете, я только для себя таскаю, и сестра противная такая и вечно голодная.

– И не жаль тебе их? За ними тоже могут прийти.

– Так я ж за них беспокоюсь, Клешня – страшный человек, ваши только с дубинками страшны, а этот чудовище.

– Тогда ты мне должен помочь, он уже знает, что ты пойман, с твоих родных и начнут.

Паренек потерял самоуверенность, затрясся на стуле, будто в лихорадке, Рой нашел больное местечко, нужно было доводить дело до конца. Он присел напротив заключенного, обмакнул перо в чернильнице и произнес с напиранием:

– Если ты мне поможешь, я тебя отпущу, семью убережешь.

– Вы ж его искать начнете, все равно узнает.

– Предположим, но не сразу. Ты свою шкуру не ценишь, тебе в ссылке будет отлично, но сейчас времена кровавые, всех вешают, зачем им голодные рты, подумай.

Парень сглотнул, выругался и сплюнул прямо под ноги сыщику:

– Ладно, ваша взяла, что вы хотите знать?

– Имя, место сбора и количество.

– Имя Клешни я не знаю, его еще Дюком кличут, но редко, когда он пьян или весел, место сбора – заброшенные склады за госпиталем, там, в позапрошлом году, был пожар, никому эти здания не надобны, но некоторые уцелели. А количество, если не считать пойманных, еще с дюжину наберется, но это перебежчики, Лобстер их не берет на важные дела, по мелочи работают.

Кларенс услышал все что хотел, он быстро сделал заметки и спрятал бумагу в карман, потом крылся за дверью. Парнишка минут десять тревожно ожидал, что будет дальше, неужели проныра-сыщик его вздул, и висеть ему на канатной веревке. Но Кларенс вернулся и снова уселся напротив заключенного.

– Слушай сюда, я все уладил, тебя отпустят, но сделаешь вид, что сбежал. Я заплатил приставу, чтоб тебя держал слабее, сейчас в тюрьме дел невпроворот, тебя не хватятся искать, а если поищут, то не найдут, но в полночь ты должен ожидать меня на Родерском мосту – услуга за услугу, а еще золотой за помощь.

– Целый золотой? – глаза парнишки округлились. – А что сделать надобно будет?

– Встретимся, увидишь!

Дальнейший ход событий происходил по плану Роя – воришка вырвался у надсмотрщика, поднялась шумиха, но проворный беглец хорошо спрятался. Тем временем, Кларенс был на Боу-стрит, переговорил со своим коллегой, увиделся с мистером Холлом, тот расспрашивал, что тот смог выбить из пойманного карманника.

– Он не раскололся до конца, про какого-то Клешню проговорился и все, – на сем, доклад Роя казался исчерпанным, он приосанился, потер подбородок указательным пальцем, раздумывая или исследуя состояние своей щетины. Потом, загадочно-спокойным взглядом изучил начальника, сейчас он сделает все как надо

– Клешня? – удивился мистер Холл, доставая из дубового шкафа свой блокнот, Кларенс все еще изучал начальника, его движения – быстрое записывание полезной информации, нервное шевеление губ, мурлыканье песенки, прищуривание левого глаза. Внешне все выглядело так, но Рой не стоял бы на месте просто так, словно пантера перед прыжком, деловитый сыщик продумывал мельчайшие подробности:

– Ладно, мистер Холл, я уже пойду, спать хочется, морозит меня с обеда.

– Да, иди-иди, молодец ты сегодня.

Он оставил начальника занятого делом, но наш сыщик не собирался так быстро возвращаться, он завернул в ближайший переулок, спрятался в тени. Зажгли вечерние фонари, двое пьяниц, распевая непристойные песенки, прошли мимо. Хотелось закурить, но Рой боялся, что отблеск искры выдаст его. Наконец, мистер Холл прошел мимо него, буквально в десяти шагах, молодой служащий затаил дыхание и не шевелился. Вдруг, бдительного начальника остановила свора маленьких попрошаек, он громко разогнал толпу, но мог столкнуться с Кларенсом, тот напрягся, прижался к сырой каменной стене.

– Пошли вон, – вскричал разъяренный Джеймс Холл, и прошел дальше. Рой выдохнул, но тут стал очередной жертвой попрошаек, пришлось распрощаться с парой шиллингов, чтобы те по тихому отстали, его начальник отошел ни так далеко, чтоб не услышать.

Рой направился обратно в квартиру на Боу-стрит, тихонько отворил дверь запасным ключом, прошел в кабинет инспектора. Блокнот лежал закрытый в дубовом шкафу, шеф не стал бы так рисковать дважды, там хранились важные показания свидетелей против Лобстера, поскольку на месте преступления его не задержали, а только по подозрению. И именно эти показания Рой решил изъять, по-иному поймать остальную часть банды нельзя.

Ровно в полночь на мостовой, сыщик одиноко шагал вдоль блеклого фонарного освещения. Парнишка стоял и ожидал его, не испугался, сорванец.

– Готов сослужить добрую службу британской полиции? – спросил Рой.

– Готов сослужить добрую службу красивому лицу в золотой оправе, – уточнил парень, сыщик хмыкнул и протянул ему клочок бумаги:

– За этим тебя отослали? – спросил он.

– А я по чем знаю?

– Ты не умеешь читать?

– Нет.

– Ладно, будем считать, тебе повезло вырвать нужный кусок блокнота, так и передашь Клешне, скажешь, что ускользнул из лап пристава и сразу к ним, шумиха по твоим поискам была, думаю, поверят.

– А-то как же, я долго потешался, как муравьи в банке, ей богу.

– Так-с, я жду от тебя подробного пересказа, что будут предпринимать и все такое.

– Так меня не пустят на их болтовню.

– Все в твоих руках, не подведи меня. Если все получится, будешь есть пироги с мясными почками, да грогом запивать.

– Я привык и кислятину пить, но грог вкуснее, – присвистнул паренек, волочась за сыщиком.

– Тебя-то как зовут? – спросил Кларенс, – меня можешь звать мистер Рой.

– Тодди я, сэр Рой.

– Мистер... Хорошо, Тодди, будешь моими орлиными глазами.

Тодди довольно сплюнул, взял охапку прошлогоднего сена и зажевал ею.

Утром взволнованный мистер Холл расхаживал в штаб-квартире на Боу-стрит, Кларенс вошел облаченный в новый сюртук в замшевой шляпе и перчатках.

– Ну, вылитый сэр, – усмехнулся его начальник, – глядишь, тебя за лорда примут, еще спросят, какие графья у меня там на службе.

Чтобы заглушить страх, он острил. Рой знал, мистер Холл еще не заглядывал в блокнот, иначе он бы не усмехался сейчас, а орал посильнее оперного певца.

– Ну что, мистер Кларенс, сэр... пройдемте на заседание суда, с позволения. Сейчас ваш слуга сбегает за одной книжечкой и вернется.

Рой кивнул, делая как можно равнодушной физиономию, коль скоро продлится такое затишье. В зале суда уже битком набилось людей, особенно бедняков, да всяких подозрительных лиц, видимо посмотреть на опального короля воров сходилась множество его подданных, здесь должен присутствовать и Клешня, во всяком случае, Рой смотрел в оба.

Интересы Брольхтема вызвался вести молодой солиситор мистер Вахнауф, барристеры не брались за дела уголовников, если они не давали солидных задатков. Обвиняемой стороной выступал мистер Холл, его непоколебимость и остроты закончились в ту же минуту, когда он открыл свой блокнот и просмотрел страницы, заветных показаний не было. Рой уловил эмоции шефа, но оставался таким же спокойным, слегка натянув полы шляпы на глаза. Так он мог незаметно наблюдать и не быть подмеченным его начальником.

– ...Мистер Холл, вы утверждаете, что показания у вас были, но зачитать и предоставить их не можете, почему? – поинтересовался судья.

– Э-э-э, понимаете, ваша светлость, их у меня украли, – в зале разразился хохот, но правительственный муж призвал всех к порядку, тут находилось полно констеблей, никому не хотелось выходить скрюченным под руки.

– Мистер Холл, вы же понимаете, что, не имея на руках должных улик, мы не можем обвинить мистера Брольхтема в преступлении, значит, он не совершал грабежа. Никто же из шестерых воров не знает этого человека.

Люди у Лобстера были верные, даже грозящая им расправа, не развязала языки, а может они просто боялись. Мистер Холл выглядел жалко, он нервно обвел вокруг себя, наблюдая самодовольные, улыбающиеся мины отбросов общества, коих он – гроза преступников – мог в одночасье засадить за решетку, но, не имея должных улик, стоял со связанными руками. Законник обвиняемой стороны получил слово и разнес все версии выстраиваемые мистером Холлом в пух и прах, после этого нечего было сомневаться – Лобстера отпустят.

Начальник Роя казалось, был полностью разбит: он сидел, упершись рукой о спинку соседнего стула и прислонив холодную ладонь к горячему лбу. Никого в этот момент он видеть не хотел, даже любимого подчиненного, которому не нашлось что сказать, все его показания основывались на записях начальника, Кларенс и не пытался рьяно отстаивать точку зрения, ему надобно было провалиться обвинение.

– Столько месяцев впустую, – горестно молвил Джеймс, – я гонялся, как загнанная псина, а его чуть на постаменте не выносят, будто этот *** совершил подвиг, что за гнилая бюрократическая система, я посмотрю, как они запоют, когда эта гнида придет в их дома, обносить все их имущество. Рой, почему ты меня не поддержал? – последние слова он промолвил спокойнее, чем того ожидал его подчиненный.

Рою не нашлось, что сказать, уж тем более неправду. Таким подавленным своего начальника он видел впервые.

– Мистер Холл, без записей свидетелей, я не мог более ничего добавить.

– Ну да, записи... я его удушю, этот проныра сумел вырвать тот злосчастный клочок, я его из него вытрушу, даже если придется душонку потрясти.

Разъяренный инспектор вскочил с места и отправился в тюрьму, но и там его ожидало разочарование – парнишка сбежал. Джеймс в приступе гнева чуть не поколотил надсмотрщика, благо, что вчерашний орангутанг взял выходной. Мистера Холла трясло от злости, Рой еле сумел увести прочь начальника, пока тот сам не угодил за решетку.

– Сэр, если мы будем вести себя подобным образом, чем мы лучше преступников?

– Убить их всех надобно, продажные шкуры... система прогнила, – кажется, у Джеймса начинался припадок, Рою пришлось нанять кэб и увести шефа к доктору. Одного такого противного, которого мистер Холл не переубедит, наш сыщик уже знал.

Сыщик с Боу-стрит и опытный карманник

II часть

Не все золото, что блестит

(англ. пословица).

Доктор Уильямс осмотрел бредящего инспектора и приписал ему покой и капли. К тому времени, мистер Холл немного оправился от эмоционального припадка, он не хотел слышать о том, что несколько дней должен проторчать дома.

– Да какой отдых, вы с ума сошли в ваших лечебницах, столица потекает в крови и насилии, а вы мне про мятные капли талдычите.

– Извольте-с, – запротестовал обиженный доктор, – это не я срывался недавно на прохожих людей, не бил несчастного слугу народа, а еще обещался поубивать половину парламентариев. Мистер Холл, хотите приступить к своим обязанностям, придется слушать меня, иначе я вас уличу в психическом расстройстве, и вас отстранят от службы.

Инспектор недовольно прорычал, загрызая очередную пилюлю другой пилюлей. Рой приснул от смеха, слушая двух упрямец, ага вот она расплата, а ведь некогда мистер Холл рьяно поддерживал запреты мистера Уильямса, они друг друга стоили. Ну, а пока начальник отлежится, его служащий постарается повернуть дельце самостоятельно и на финальной части привлечь шефа. Рой не все время успокаивал мистера Холла в суде, он еще и наблюдал, эмоции – враг человека, они выдают страхи и насмешки, а ведь только заинтересованные могут потешаться. Одного особо радостного джентльмена Кларенс заметил, возможно, ему еще показалось, но Лобстер подмигнул тому субъекту. Врага нужно знать в лицо. Сегодня в полночь, он снова прогуляется по мостовой, возможно, новый подопечный ему расскажет что-то интересное. С такими радужными мыслями сыщик покинул расстроенного инспектора продолжающего донимать доктора. Молодой человек, отобедал в харчевне «Белый клык», где снимал комнаты на втором этаже, местечко больно простое, и мебелировка оставляла желать лучшего, но Рою нравилось его жилище: хозяйка опрятная, приветливая, а дочка смазливая, ну и готовили вкусно, будто у матушки кушал.

Трудный день близился к завершению, угасали бледные огоньки сырого июльского дня, моросило. Полежав пока не пробило десять, Кларенс принялся собираться в дорогу, вчера они не договаривались о встрече, но сыщик чувствовал, что парнишка будет его дожидаться. Шагая освещенными улочками Лондона и кутаясь в теплый плащ, Рой продумывал дальнейший план действий, хотя пока большая часть оставалась белым листом, неизвестно было, как отреагировали преступники на наживку.

Где-то часы били полночь, сыщик, молча, наблюдал за спящим городом, он стоял поближе к фонарю, чтобы его можно было увидеть, но никто не появлялся. Нахлынуло чув-

ство переживания, но днем Рой был совершенно покоен за успех предприятия, что же могло случиться? Побродив так около двух часов, ему ничего не оставалось, как возвращаться назад, опасно пребывать на пустынной мостовой в такое беспокойное время.

Утром от недосыпа побаливала голова, почему этот прохвост не появился. Ладно, сегодня множество дел, отсутствие начальника вызовет суету и неразбериху среди служащих, придется самолично каждому из штата сыщиков братья за определенные дела, вести переписку с мировыми судьями, магистратами; сколько бумажной волокиты приходится перелопачивать мистеру Холлу, как не хватает надежного плеча и суровой руки. Действительно, Боу-стрит гудела, а Рой никак не мог сосредоточиться, днем он решил немного пройтись и подумывать. Шатающихся без дела было много, тут тебе господа и дамы, и вдовы. А сколько уличных торговцев перекрывали дорогу, заманивали в свои лавки или просто носились с поклажами, чтобы у них что-то купили. Пирожник продавал хорошие крендели по полпенни, и Рой частенько отоваривался у него парой-тройкой вкусностей, неподалеку кафе, там можно выпить кофе – приятная мысль. Хотя, в моду уже входили переездные кофейни, где все желающие могли выпить чашечку бодрящего напитка прямо на улице. Кларенс решил ею воспользоваться. Путь ему преградило щуплое существо, девушка продающая зелень и цветы, тонким и скрипящим голосом сие чудо молвило:

– Сэр, купите цветов у бедной девушки.

– Мне цветы без надобности, – отмахнулся сыщик, но настырное существо продолжало:

– Купите, купите, а еще в придачу верните соверен, – голос постепенно менялся, превращаясь в мужской.

Рой оторопел, он не мог поверить в то, что перед ним стоял Тодди.

– Ты?

– Я, мистер Рой, с докладом.

Кларенс чуть не припрыгнул от счастья, утром ему уже казалось, что его затея может провалиться, что плачевно скажется на душевном здоровье дражайшего начальника. Прежде, чем продолжить разговор, Кларенс еле сдерживал смех, до него теперь дошло, как забавно выглядит лазутчик в одеянии женщины.

– Ты, надеюсь не так ходил на сборище? – поинтересовался он, чуть не хохоча во все горло.

– Да нет, мистер Рой, вы меня за припадошного держите? Это б если моя бабка (кстати, ее платье натянул), матушка по фигуре своей не влезает и выбрасывать жалко, старушка у нас худосочная была, как я, так вот, если б моя бабка на Ватерлоо так пошла, ушастая страх какая была.

Рой откашлялся, чтобы успокоить припадок смеха и паренек откашлялся, чтобы успокоить припадок болезни, Кларенс настороженно слушал его дыхание.

– Пойдешь к доктору, пусть выпишет какого лекарства.

– Я отродясь к лекарям не ходил, да и не сильно оно берет, временами и вовсе не кашляю.

– Пойдешь, я самолично отведу, только не к Уильямсу, боюсь вызвать новый припадок мистера Холла.

– А ваш-то начальник, он вчера в припадках бился, видать хорошо опростоволосился, парни долго смаковали подробностями, а потом еще и приврали с три короба.

– Так, теперь к делу, – отозвался Рой, оглядываясь, чтобы за ними не следили, делая вид, что торгуется с цветочницей, – что ты узнал?

– Лобстер вчера как приехал, так такую попойку закатил, меня к себе позвал, даже похвалил, что я такую важную улику у инспектора спер. Клешня сказал, что если захочу с ними на дело, они меня возьмут, правда долю небольшую дадут, но мне надолго и того хватит. А дело они затевают серьезное, я, конечно, смиренно отказался и смылся по-быстрому, но чтоб поменьше на меня глазели, мол: не слышал и не знаю; а я все слышал, за бочками прятался, и

все слышал. Грабить будут скоро, камешки дорогие возьмут, чтоб потом за границу махнуть. Лобстер собирается с размахом в горы поехать, промышлять будет подальше, чтоб опять не попасться, жалеет ребят, вздернут надежных, а что остались, на дело не слишком годятся, придется новых брать, обучать, запугивать. Он им буханки промывает, честно слово, я потому к нему и не пошел сразу, так на подхвате был, а кто сейчас у него не на подхвате, всех трясет, супостат, а сейчас еще и дань ввел, мол, его территория – вся столица. Я вот потому и завязать хочу, в деревню уехать, нормально пожить, сколько там осталось, матушку забрать, сестру строптивую...

– Я тебя понял, Тодди, я все устрою, только помоги мне.

– А что надобно, мистер Рой?

– Узнай, кого ограбить хотят, хотя б адрес, потрись возле ребят. А самое главное – когда они это планируют. Мы их с поличным возьмем, тогда все не отвертятся, сразу на плаху пойдут, суд будет быстрым.

Паренек почесал чепец, шмыгнул носом, пообещал, что постарается и исчез, правда, с золотым в кармане.

Рой перешел кофе, он срочно вернулся в штаб-квартиру, теперь ему стало жаль, что начальник слег, как чесался язык доложить эти сведения, составить план, уничтожающий план, но пока стоило молчать. Его коллеги пользовались разной репутацией, за некоторыми водились даже грешки и этого Кларенс побаивался, вдруг кто-то из них лазутчик Лобстера, откуда они узнали про блокнот шефа, и что он там все показания записывал, а свидетели подписи поставили – кто-то доложил. Ведь недаром, Тодди подослали спереть документ. Кларенс грубо выдохнул, придется еще и крысу в круге сыра поискать, теперь хорошо, что начальника нету, тот бы шумиху создал, всех на допросы вызывал, спугнул бы предателя.

Несколько дней Тодд не подавал о себе знать, а Ройан, тем временем, отыскивал оборотня. Пришлось проследить за своими коллегами: Барвик и Стрендж часто уходили прогуляться, но они не были предателями, просто один любил поесть и тайно сбегал к жене на перекус, другой поддерживал семейный бизнес; Ходдин, Молуорт, Френкинс оказались ленивыми бездельниками, любили пропустить по стакану вина за обедом и громко хохотали, обсуждая всякую ерунду. Кевин Льюис и Том Маклаун – новички, принятые по ходатайству семейств, не нуждались в средствах, щеголяя дорогими нарядами. Что побудило мирового судью Льюиса и владельца двухмачтовых судов в Шотландии отправить отпрысков на не столь солидные места? Только увещание мистера Холла, что их дело правое, набирающее оборотов и популярности. Эти двое пока проходили практику, им давали легкие и скучные дела, сопряженные со скандальным соседом, наглой вдовой и вороватым лакеем. Оставался только Брайан Бенвенутти – темная лошадка (иностранцы всегда вызывали недоверие у рядового англичанина, а что уж говорить об уроженце Британии с неанглийскими корнями, в пору заговоров и политических войн, подобное подозрение считалось нормой) и Освальд Мередин. Один и второй обладали острым умом и предприимчивостью, ни с кем не задирались, работу выполняли прилежно: Бенвенутти отличался особым педантизмом, а Мередин никогда не затевал опасные авантюры. Рой недолюбливал этих двоих, они недолюбливали его. Они не были товарищами, каждый держался особняком, на собраниях они не поддерживали теории друг друга. Кто же из этих двоих? Можно было бы заподозрить подручных констеблей, но эти малые не имели доступа к проведению дел, скорее исполняя роль арестантов и патрульных. Вообще, пешие патрули констеблей, числящиеся на службе мистера Холла, занимали казармы на соседней улице, ими руководил некий Джонсон: плечистый здоровяк поддерживал военную дисциплину и все такое. Эти ребята редко появлялись в боустритской конторе, лишь только по приглашению сюрвейтора или во время патрулирования округа. А вот Джонсон приходил, но его интересовал кабинет начальника, ему не было дела до «Бумажных хорьков», так сей здоровяк поговаривал о сыщиках, ласково и забавно, хотя последние не разделяли подобной ласки. Виной всему социаль-

ное положение, ведь десять сыщиков, располагавшихся к штаб-квартире на Боу-стрит имели образование, почти все числились джентльменами с приличных семейств, а в стражи правопорядка нанимались бывшие отставные солдаты и обедневшие горожане (соответственно и платили таким по десять шиллингов в неделю, тогда как сыщикам в двое больше и вознаграждения от частных клиентов). А потому и смотрели снизу вверх, а потому и недолго любили друг друга, пытаясь прикрепить прозвища пообидней. Но даже подобный внутренний конфликт не разоблачал в констебле Джонсоне опасного доносчика.

Кларенс напряг память, пытаясь вспомнить какими делами, занимались его коллеги в последнее время – поимка банды Лобстера потребовала привлечения многих ловцов мистера Холла. При выслеживании одного из бандитов, Рой ходил на дело с Барвиком, а Ходдин был с Мередином. Что-то между ними произошло, Кларенс вспомнил, что мужчины ссорились, нужно будет расспросить Ходдина о споре.

– Джон? – подошел Рой, когда его коллега собирался уже уходить домой.

– Чего тебе, Кларенс?

– Вспомнился мне тот день, да ты и сам помнишь, как с Мередином на дело вас двоих отправили...

Ройан не испытывал уважение к особе Ходдина, его придурковатый вид заставлял острого на ум молодого человека разговаривать по-глупому, подчеркивая малообразованность и тупость коллеги. Что испытывал Джон Ходдин, общаясь с Кларенсом, о том он обычно умалчивал, иначе бы покорный автор уже осведомился на этот счет и поставил в известность читателя.

– Да, я со всеми на дела ходил, но с этим аж два раза, последний раз – это мы бандитов выслеживали.

– Агась, а мне Молуорд рассказывал, как ты с ним погрызся, чуть всю слезку не провалил.

– Я не знаю, что тебе рассказывал этот болтун, но мы с ним поссорились уже на подъезде к Боу-стрит, потому что не надо на себя тянуть все одеяло, такой же самоуверенный, как и ты.

Рой скрестил руки на груди, ему не понравилось, что его считают самонадеянным. Конкуренция присутствует в любом предприятии: кому-то достаются легкие дела с хорошим вознаграждением, а кто-то ночами напролет ловит бродяг, да дебоширов. Но он всегда ходил туда, куда ему приказывал шеф, будь-то поимка беспризорников или полоумного старца. Ходдин не пользовался особым расположением мистера Холла, тот всегда относился с пренебрежением к его особе, но ведь Джон не обладал особыми качествами, не заинтересован был побыстрее раскрыть дело, рьянее вести слежку, как говорилось раньше – он был ленив и немного туп, хотя последнее всего лишь предположение Ройана.

Возможно, само помещение, где сыщики обычно проводили время, способствовало их недружелюбию по отношению друг к другу. Обычная мастерская, превращенная в штаб-квартиру, где в одном помещении находятся десять человек. Их рабочие столы соприкасаются друг с другом: они скрипят перьями, когда пишут; стучат дверцами шкафчиков, чихают, плюются, разговаривают, думают, составляют отчет, дышат. Куда вольготней себя ощущал мистер Холл, он сидел в просторном кабинете, принимал посетителей, у него не чадила керосиновая лампа над головой, а была вполне приличная люстра; шеф любил выкурить трубку, стоя у окна, разговаривая с клерком Стибсоном – главным заведующим финансовым лицом, доверенным конторщиком мистера Холла, который вел записи о поступлениях денег и распределение жалованья и, прибавки в виде вознаграждения. Этот пронырливый, но грамотный толстячок не хотел связываться с делами преступников и законниками, этим заведовал Холл.

Наверху имелся еще один свободный кабинет, возможно предусмотрительный шеф готовил его для кого-то из лучших сыщиков и каждый хотел оказаться там и выделиться, среди остальных. Случилось так, что Бенвенутти, Мередин и Кларенс стали главными претендентами

на одиночное рабочее место с видом на цветочную площадь. Стибсон располагался в соседнем здании, у него был «свой чуланчик под лестницей» – как он любил называть кабинетик, конторщик приходил и уходил в определенное время, дела Ловцов с Боу-стрит его заботили лишь в цифровом эквиваленте.

Но, Кларенс немного отвлекся, рассуждая о вечных проблемах. Он так и стоял у стола Джона, почесывая подбородок. Сыщики разошлись по домам, лишь только выяснилось, что их шеф на некоторое время заболел. Остался только Браян, сей господин не завершал дела, без методичного раскладывания всего по местам: пусть даже это будет старый подтертый карандаш, но он будет наточен, перо починено, бумага сложена, деловая картотека, которую заставлял вести мистер Холл, разложена в алфавитном порядке и заперта в рабочем шкафчике, только сейчас сыщик покинул рабочее место.

– Кларенс, ты остаешься ночевать? – поинтересовался он, поправляя сюртук и одевая шляпу.

Рой очнулся и посмотрел на собеседника.

– Дел невпроворот, – неуверенно выговорил молодой человек, но Бенвенутти удивленно поморщил бровь.

– Дел? Каких дел? В последнее время мы вели только одно дело, Лобстер пойман.

– И отпущен, – произнес Рой, конечно, о провале начальника на заседании суда знали все его подчиненные.

– И что с того? За нами не стояло, а остальное не интересно.

– Неужели тебе все равно, что главного преступника все же отпустили?

– Если мне пообещают неплохое вознаграждение за его поимку, мне станет не все равно, – Браян торкнулся краев шляпы, так он попрощался и направился к выходу.

– Тебе не все равно, сколько платят, а кто – неважно, продажная шкура, – тихо прошипел Ройан, он уже вычислил осведомителя Лобстера, оставалось лишь прихлопнуть червя к земле.

Проследовать ли за ним сейчас? А что, неплохая мысль!

Ройан шел на безопасном расстоянии, но Бенвенутти поймал карету на перекрестке. Наш сыщик остался ни с чем, ему осталось только вернуться домой.

От Тодди не было никаких сведений, видимо малому приходилось неотлучно находиться среди этих проходимцев, Лобстер ликует и продумывает следующее ограбление, его правая рука подле него, команду добровольцев за деньги нанять не проблема, обнищавших солдат предостаточно.

– Кажется, старина, ты лихо завернул, – про себя молвил Кларенс, разглядывая капли дождя, тарабанившие по стеклу. Бенвенутти – изворотливая змея, как суметь за ним проследить, чтоб не навлечь подозрений?

Он схватил подушку, швырнув ее в соседний угол, присел на кровать и обхватил голову руками, как же сейчас хотелось стукнуться о косяк, но другие квартиросъемщики могут услышать посторонний шум, да и хозяйка ненароком проснуться, как тяжело нести бремя умника, не допускающего ошибок и осознавать тяжелый рок насмешек судьбы. Стоило ли тогда так подставлять шефа, выставив его посмешищем, кто теперь поверит Рою, а ловить опального короля в одиночку чистой воды глупость. Кларенс тяжело дышал, переводя дух после нахлынувшего бешенства, теперь он не походил на того самоуверенного мальчика, шеголяющего перед простоватыми сослуживцами гениальной идеей. Разговор с Ходдином зацепил неприятную нить, тянущуюся к совести, а она уже отдалась эхом в голове. Но Бенвенутти, что может быть хуже – видеть птицу клюющую зерно у ног и не иметь возможности схватить ее, вытрясти черную душонку из стервятника, выбить все сведенья вины и почувствовать облегчение...

Сыщик с Боу-стрит и опытный карманник

III часть

Берегись молчащей собаки и тихой воды

(англ. пословица).

Проснулся Ройан от того, что дневной свет побеспокоил его, кажется, час раздумий закончился бессознательным погружением в сон; он измотан, нервы напряжены, очень сложно сохранить самообладание и продолжить изнурительную игру. Сегодня будет важный день, если не сейчас, то завтра будет поздно, Лобстер не станет тянуть, а потом уже бессмысленно гнаться за хвостом змеи.

Холодное умывание пришлось как нельзя кстати, расчесывание растрепанных волос успокоило. Рой снова видел себя представительным зазнайкой, готовым выследить и уничтожить, Браян должен иметь слабое место, ничто так не выводило этого человека, как нарушение его порядка. Кларенс призадумался, расхаживая по своим незначительным апартаментам, в этом ему помог один нелепейший случай с Кевином Льюисом. Со дня прибытия этого сорви-голова, старшие коллеги претерпевали от постоянной лености денди, кажется, молодой балбес не старался ужиться с остальными служащими мистера Холла: катался на стуле, размахивал руками, переворачивал свои вещи и раскидывал их. И как же не повезло чистоплотному Бенвенутти оказаться в соседстве с Кевином. Однажды, педантичный по натуре человек, просто не выдержал и отчитал стажера. Он говорил на повышенных тонах, потеряв самообладание, которое создавало в глазах других образ respectable джентльмена. Тогда он взелся за брошенные на его стол перчатки и какие-то бумаги, Кевин проиграл и впопыхах сгрэб свои вещи, зацепив упорядоченно разложенные бумаги Браяна, тот залился багрянцем и чуть не бросился в драку; Молуорт и Френкинс животы надрывали наблюдая мизансцену; Стрендж оттягивал разъяренного сыщика от испуганного стажера. После этого, Кевин побаивался прикасаться к вещам Бенвенутти, хотя не трусил в подобных ситуациях.

А если повторить подобный опыт – вывести противника и равновесия, заставить потерять контроль и добиться правды. Рой уже улыбался в предвкушении разыгрываемого им спектакля. Мистеру Холлу будет приятно узнать, что даже в его отсутствие, рука закона карает виновного, а там и дело за поимкой Лобстера на подходе, тем более, зная темперамент своего начальника, молодой сыщик не сомневался, что больничное ложе недолго сдержит энергичную и деятельную натуру.

Утро на Боу-стрит начиналось с прибытия сыщиков на работу, мистер Холл мог объявиться в любой день, старались придерживаться порядка. Старый сторож, присматривающий за этим зданием, в своей потрепанной брошюрке записывал имена прибывших и опаздывающих, эти сведения могли попасть к строгому начальнику и последствий не избежать. Кевин пробирался неуверенным шагом, заметны были следы ночной попойки с товарищами, сей джентльмен старался не делать резких движений, лишь бы благополучно добраться до своего стула. Рою судьба преподнесла просто идеальный шанс возмездия: он немедленно вскочил со своего места и набросился отчитывать полутрезвого товарища, Кевин не славировал настойчивый и резкий выпад Кларенса, и свалился на пол у своего стола, при этом полетели вещи не только с его рабочего места, он умудрился зацепить вещи Бенвенутти, который в тот момент заходил в дверь. Рассеянный и безалаберный человек не смог придумать ничего лучше, чем в куче скинуть все обратно. Браян вспылил, как и предполагал Рой: он побагровел, сжался как еж, и ринулся к столу. Рой перестал отчитывать бедолагу Кевина, переводя дух, для поединка с противником посерьезней.

– Ты что наделал, щенок!?! – вскрикнул Браян, пытаясь разобрать свои вещи, Льюис только икнул, не в состоянии отвечать, после предыдущего шока.

– Я тебя задушу, пустоголовый обормот! – продолжил Бенвенутти, теряя самоконтроль, в игру вступил Рой:

– Не уж-то ты имеешь право вершить правосудие, продажная змея!?! Знаешь, как с такими предателями поступают на Востоке?

– Ты что несешь? – удивился Браян, метая грозные молнии, то на Роя, то на несчастного Кевина.

– Я тебе сейчас расскажу, кто ты таков – ты предатель, доносчик Лобстера, грязная душонка за полпенни.

Бенвенутти впал в ступор, он не ожидал предъявления подобных обвинений, тем временем, остальная часть наблюдающего коллектива ошеломленно хихикнула, ну в общем, Стрендж громко хмыкнул, поближе подвинувшись к Молуорду и Барвику. В следующий момент, Том Маклаун помог товарищу переместиться на более безопасное расстояние, Ходдин безучастно наблюдал за происходящим с выражением удовольствия, как же, главные хвастуны рвут друг другу глотки; Мередин появился последним, с видом до конца не понимающим что происходит, вальяжно проществовал на свое место. Нынче он выгодно смотрелся на фоне скандалящих Роя и Браяна, но, кажется, нашего сыщика мало задевало его положение, он добивался справедливости, а Бенвенутти, осознав всю мерзость, предъявленного обвинения, занял оборонительную позицию.

– Да как ты смеешь, мерзавец, обвинять меня в шпионаже? Подобное оскорбление требует дела чести, – среди наблюдающих лиц послышался приглушенный ропот.

Тем временем, Рой натянул шляпу и невозмутимо ответил:

– В любом месте, в любое время, я отдам тебе долг чести, Бенвенутти, – он утвердительно кивнул остальным присутствующим и незамедлительно вышел.

Только теперь Браян осознал, что ему не только нанесли обиду, но и презрительно кинули вызов. Передернутое от эмоций лицо, из багряного превратилось в бледное, заиграли желваки, белки наполнились кровавым отблеском. Сего джентльмена не просто трясло от злости, он находился на грани нервного срыва. Силы исчерпались, сыщик сел на стул в попытке немного передохнуть, но он побоялся поднять глаза на присутствующих, пока те молчали.

Кроме Стренджа, ему всегда находилось что сказать:

– Кларенс получше стреляет, – тихо шепнул он, но, кажется все услышали.

Тем временем, в порыве неприязни, с надрывом для душевного спокойствия, Ройан вышел на улицу, в час жуткой засухи, когда середина лета испепеляет порывистым горячим воздухом. Он несся в лечебницу мистера Уильямса, где оставил измученного мистера Холла на попечение взыскательного врача. Нужно сообщить начальнику, какое открытие сделал его подчиненный. Духота просто убивала, невыносимо требуя укрыться в тенистых кронах деревьев, Рой свернул на аллею, это немного добавляло времени, но он и так шел быстро, как угорелый, пока не получил яблоком по бархатистому цилиндру. Обозленный сыщик вкинул голову вверх, увидев своего подручного.

– Доброго здоровья, мистер Рой, – отозвался Тодди, сидя да дереве и доедая второе яблоко – вижу, вы несетесь, как бык на ворота, решил вас отвлечь.

– Запустив в меня яблоком, негодный мальчишка?! – вскипел Рой, впрочем, он тут же сменил гнев на милость, так рад свидеться с его подневольным информатором. – Что там новенького?

– Э, нет, для начала дайте хоть четвертак, пусть думают, что я у вас попрошайничаю, – паренек проворно прыгнул, оказавшись в трех шагах от патрона, подтянув деловито кепку на глаза и милостиво протянув худую конечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.